

«LE MESSENGER» «THE MESSENGER»

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

П А Р И Ж

На правах рукописи.

« LE MESSENGER », périodique de l'Action Chrétienne
des Etudiants Russes

paraît six fois par an.

ОГЛАВЛЕНИЕ 1 (1950 год)

1) Россия и эмиграция — N. N.	1
2) Н. Ф. Федоров — прот. Василий Зеньковский	2
3) Литургия (Собрание в Церковь) — свящ. Александр Шмеман	6
4) О Чайковском — проф. В. Ильин	13
5) О жизни Русской Церкви	19
6) Отчет о работе Р.С.Х.Д. во Франции за 1949 г.	24
7) Вести из Америки	31

Журнал выходит 1 раз в два месяца.

Цена отдельного номера : 50 фр.

Адрес редакции :

I. Morozov, 91 rue Olivier de Serres, Paris 15, (France).

Издание Р. С. Х. Движения за Рубежом.

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения православной Церкви и привлечение к вере во Христа неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей готовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

РОССИЯ И ЭМИГРАЦИЯ

Россия вступила в XX веке в период тяжелых и катастрофических испытаний, из которых она не вышла до сих пор. Внешнее потрясение изменило весь государственный и социально-экономический строй России, коснулось всей «частной» жизни населения, а в то же время отразилось и на духовной культуре России. Над современной Россией, действительно, нависла фактически проводимая система «идеократии», определяющей до последних мелочей и внешнее поведение, и все мировоззрение населения... Все это дает повод спросить, — не оборвалось ли совершенно все то богатое и разностороннее развитие русской культуры, — в том числе и культуры философской, — которое было в XIX и начале XX в. Но в истории, как и в природе, если и бывают «скачки» и перерывы, то они не отменяют прошлого, — и чем резче и сильнее эти скачки, тем яснее вырисовывается позже возврат жизни к прошлому, восстановление целостного исторического потока. Токвиль был прав (в книге «Ancien régime»), когда установил этот тезис на основе изучения французской революции и ее исторических последствий. Для России, еще не вышедшей из стадии революции, этот тезис не может быть пока проверен, конечно, но, ведь, рядом с несвободной русской жизнью, принудительно сжатой и стесненной, есть огромное явление русской эмиграции, ныне насчитывающей уже несколько миллионов и имеющей возможность развивать свое творчество в свободных условиях. И вот, то, что дала и дает русская эмиграция в разных областях культурного творчества, свидетельствует, что духовный путь России, поскольку он складывается свободно и без давления власти, остается и ныне тем, каким он был ранее. В этом смысле острая вспышка русского секуляризма, перешед-

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2

4001314 1/2

шего в России в «активное безбожие», в официальную организацию антирелигиозной пропаганды, — весь этот воинствующий атеизм неомарксизма есть, вне всякого сомнения, явление наносное, продукт фанатической идеократии. Он не имел и не имеет никаких корней в русском прошлом, — и отсюда становится понятным тот факт, что в самой России, вопреки насильственному насаждению атеизма, религиозное движение в народе ныне развилось с такой силой, что заставило советское правительство пойти навстречу этому движению. Не случайно и то, что в свободной эмиграции, в ее интенсивном философском творчестве, мы не найдем ни одного представителя диалектического материализма, ни одного защитника агрессивного безбожия. Когда власть в 1922 г. изгнала из России ряд виднейших представителей религиозной и философской мысли (о. С. Булгаков, Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин, Н. Н. Алексеев, С. Л. Франк, М. П. Карсавин, Н. О. Лосский), то их философское творчество, затихшее в России, расцвело как раз в эмиграции, дав целый ряд замечательных философских трудов. Философы, оставшиеся в России (Лапатин, скончавшийся от голода, Флоренский, сосланный в Сибирь, Шпет, отправленный в ссылку, замолчавший Лосев, судьба которого остается неизвестной) сошли со сцены, а система «советской философии», для развития которой существует специальный Философский Институт при Академии Наук (наравне с Институтом Маркса-Энгельса-Ленина при центральном Правительстве), фактически строится под постоянным руководством и бдительным взором власти... Такова русская действительность: при всей видимой оторванности нынешней жизни в России от того, что было в ней до революции 1917 г., невозможно сомневаться, — считаясь с свободным творчеством, как оно проявляется в эмиграции, что русский путь в основном и главным теснейшим образом примыкает к тому, чем духовно жила Россия до 1917 г.

Н. Н.

Н. Ф. ФЕДОРОВ

«Философия Общего Дела» Н. Ф. Федорова, — этого своеобразного и оригинального русского мыслителя, у которого подлинно христианские вдохновения неожиданно соединяются с мотивами натурализма и с чисто «просвещенской» верой в мощь науки и в творческие возможности человека, хотя и связана с темами христианской философии, но выходит уже за пределы

христианских принципов. Надо вчитаться в трактаты Федорова (написанные часто очень неуклюжим и трудным слогом), чтобы убедиться в том, что в основе его построений лежит действительно христианство, — должно сознаться, что при беглом знакомстве с Федоровым остается все же иногда впечатление, что перед нами просто программа «гуманистического активизма», как выразился Флоровский. Но в построения Федорова надо вжиться для того, чтобы избежать ошибочного толкования его идей. В этом отношении чрезвычайно поучительно то довольно грубое непонимание основной идеи Федорова, которое проявил, например, Владимир Соловьев, испытавший бесспорно очень глубокое влияние Федорова и высоко оценивавший его идеи.

Для правильного понимания внутренней диалектики в русской философии очень важно иметь в виду то «теургическое беспокойство», которое было столь типично для русской мысли уже XVIII-го и особенно XIX-го века; это «теургическое беспокойство» нашло как раз в Федорове свое высшее выражение, свое, можно сказать, завершение. Как для Соловьева и для многих других русских философов, так и для Федорова существенно важной задачей является понять наши пути и возможности в истории, — и уже у Федорова замечается влияние историософской установки его на понимание вопросов космологии, антропологии и даже гносеологии (что находит свое самое яркое выражение в современной советской философии). В этом смысле Федоров совсем не стоит вне общей диалектики русской философской мысли; подробный анализ его взглядов (чего мы не имеем еще в работах, посвященных Федорову) показал бы, как тесно и глубоко связан Федоров с самыми различными течениями в истории русской мысли. Это несколько не ослабляет оригинальности Федорова, — эта оригинальность до конца определяется исходной его идеей. Федоров, подобно Пушкинскому рыцарю, жил собственно одной мыслью:

...Он имел одно виденье

Непостижное уму,

писал Пушкин о своем «бедном рыцаре». А. Федоров, хотя и был очень богат идеями, в сущности жил одной лишь мыслью — о преодолении силы смерти...

Николай Федорович Федоров родился от внебрачной связи кн. П. И. Гагарина и крепостной крестьянки (по другим сведениям — пленной черкешенки) в 1828 г. Когда кн. Гагарин скончался (1832 г.), мальчик, получивший фамилию от крестного отца, вместе с матерью и другими детьми от нее же должен был

покинуть отцовский дом. Впрочем, семья была достаточно обеспечена, судя по тому, что Николай Федорович мог получить образование в гимназии (в г. Тамбове). По окончании гимназии Н. Ф. поступил на юридический факультет лицея Ришелье в Одессе, но оставался в нем всего 3 года. С этого момента начинается период скитаний Н. Ф. — с 1854 по 1868 г. он переменил семь городов, служа учителем истории и географии в низших школах, — и именно в эти годы сложились основы его мировоззрения, как об этом свидетельствует его верный последователь Н. Петерсон (впоследствии один из издателей сочинений Н. Ф. Федорова). С 1868 г. Федоров переходит на службу в Москву и очень скоро получает место в Румянцевском Музее, где он оставался на службе 25 лет. Последние годы жизни, уже выйдя в отставку (с пенсией в 17 р. 50 коп. в месяц), Федоров начал снова работать в библиотеке при Архиве Мин. Иностр. Дел (в Москве).

Все время службы Н. Ф. Федоров жил крайне скудно, по истине — аскетически. Его жалованье было менее 400 р. в год, — а от прибавок к жалованию он постоянно отказывался. От своего ничтожного жалования Федоров ухитрялся отдавать часть своих денег служителям в музее и разным «стипендиатам» — нищим, являвшимся к нему в определенные сроки за получением своих «стипендий».

Упомянутый выше Н. Петерсон, без ведома Н. А. Федорова, написал Достоевскому письмо с изложением взглядов Федорова; это письмо произвело очень большое впечатление на Достоевского, который прочитал письмо Вл. Соловьеву. «Скажу, что в сущности, — пишет Достоевский в письме к лицу, переславшему изложение взглядов Федорова, — я совершенно согласен с этими мыслями». Соловьев сам написал письмо Федорову; вот отрывок из него: «прочел я вашу рукопись с жадностью и наслаждением духа, посвятил этому чтению всю ночь и часть утра. Проект ваш я принимаю безусловно и без всяких разговоров... Ваш проект есть первое движение вперед человеческого духа по пути Христову. Я, с своей стороны, могу только признать Вас своим учителем и отцом духовным». Фет писал Федорову позже: «я никогда не забуду слов о Вас Льва Николаевича (Толстого); он говорил: «я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком».

Все эти отзывы достаточны сами по себе, чтобы признать построения Федорова выдающимся явлением в истории русских духовных исканий, — и это тем более верно, что и у Достоевского и особенно у Соловьева, как мы упоминали, можно без затруднений констатировать влияние Федорова.

При жизни Федоров не печатал почти ничего, а если печатал, то всегда без подписи, — но писал очень много. Близкие к нему люди В. А. Кожевников и Н. Петерсон издали в 2 томах сочинения Федорова — и в соответствии с духом учения его — эти сочинения не были предназначены для продажи — их можно было получить бесплатно у издателей, которые отказались от всяких авторских прав.

В декабре 1903 г. Федоров заболел воспалением легких и скончался.

Мы уже говорили о том, как мало еще изучен Федоров, — поэтому, в виду неправильных, на наш взгляд, толкований его учения, его системы, мы обратимся к вопросу о влияниях, какие испытал Федоров, не сейчас, а после изучения его взглядов.

Переходя к этому изучению, начнем с следующего замечания Федорова: «в настоящее время, — пишет он, — дело заключается в том, чтобы найти, наконец, потерянный смысл жизни, понять цель, для которой существует человек, и устроить жизнь соответственно с ней. И тогда сама собой уничтожится вся путаница, вся бессмыслица современной жизни». В последних словах Федорова довольно ясно выступает оптимистическая уверенность в том, что при надлежащем понимании цели нашей жизни ее современная запутанность исчезнет «сама собой»... Так верили в возможность «исправлять» историю в эпоху расцвета Просвещения — отзвуки которого вообще мы у Федорова часто найдем, — так верили все защитники «прогресса». Во всем этом есть, по справедливому замечанию Бердяева, нечувствие силы зла в мире, — вера в то, что, если люди поймут, в чем правда, то зло окажется рассеявшимся... Но смысл приведенных выше слов Федорова не только в этом, — но и в том ударе, которое он делает на словах, что наша задача, установив цель жизни, «устроить жизнь соответственно с ней».

Для Федорова существенно решительное противление тому, чтобы только установить правильное понимание жизни: необходимо от понимания перейти к осуществлению того, что нам открывается. Поэтому он называет свою установку — «проективной»: «к истории, — пишет он, — нужно относиться не «объективно», т. е. безучастно, и не «субъективно», т. е. с внутренним лишь сочувствием, а проэктивно», т. е. превращая знание «в проект лучшего мира». Без этого, — пишет он, — «знание принимается за конечную цель, дело заменяется мирозерцанием» — и пред нами чистая «идеолатрия или культ идей». Федоров ставит упрек философам именно в том, что они «мысли придают большее значение, чем действию», о Сократе он говорит, что он

«от обожания идолов перешел к обожанию идеи, — и это обожание в Платоне перешло в безумное отделение мысли от дела». Поэтому, по мысли Федорова, мы «присутствуем при смерти философии». «Чтобы сделаться знанием конкретным и живым, философия должна стать раскрытием не только того, что есть, но и того, что должно быть, т. е. она должна из пассивного, умозрительного объяснения сущего — стать активным проектом долженствующего быть, проектом всеобщего дела».

Мало этого. Становясь описанием того, что есть, т. е. превращая себя в созерцание мира (вместо того, чтобы быть проектом изменения сущего в идеальное), философия (как и наука) ставит себя в рабское положение в отношении к нынешним порядкам; это есть рабская подчиненность нынешнему социальному строю. В такое же рабское отношение наука и философия неизбежно ставят себя и к природе. Федоров сурово критикует «преклонение пред всем естественным». Сама природа ищет в человеке своего «хозяина», а не только «исследователя»: «космос нуждается в разуме, — пишет Федоров, — чтобы быть космосом, а не хаосом». «Повиноваться природе для разумного существа значит управлять ею, ибо природа в разумных существах обрела себе главу и правителя». Федоров не боится всех выводов своего «проективного», т. е. творческого отношения и к истории, и к природе — и называет его «эстетическим толкованием бытия и создания»: «наша жизнь, — тут же пишет он, — есть акт эстетического творчества». С другой стороны, по его мысли, «природу в том несовершенном виде, в каком она, по человеческому незнанию и безнравственности, и поныне пребывает, нельзя в строгом смысле даже признать произведением Бога — ибо в ней предначертания Творца частью еще не выполнены, а частью даже искажены». Федоров становится на точку зрения метафизического геоцентризма и антропоцентризма; он говорит о «спасении безграничной вселенной» и думает, что спасение это должно осуществиться на «такой ничтожной пылинке, как земля». Позже мы увидим основания этих построений, а пока еще остановимся на них. «Нынешняя вселенная, — пишет тут же Федоров, — стала слепой, идет к разрушению, к хаосу — потому что человек, поверив сатане, осудил себя на знание без действия — что и обратило древо знания в древо крестное». Таким образом, «отвлеченный» характер науки и философии, их «бездейственность» связаны с первородным грехом. Федоров, однако, не считает эту обреченность нашей мысли на оторванность от действия чем-то уже непоправимым; восстановление целостности в познании, т. е. восстановление внутренней связи мысли и

действия по силам самих людей, если только они поймут до конца болезнь своего духа. Тут религиозное сознание Федорова всецело однородно с тем «христианским натурализмом», который мы отмечали у Достоевского. Это не есть принципиальный имманентизм, а признание, что после Христа и совершенного им спасения мира, сила спасения уже пребывает в мире. «Человечество призвано быть орудием Божиим» в деле спасения мира, — пишет Федоров. Этого часто не замечают у Федорова — его система вся, ведь, покоится на том, что Христос «уже искупил людей» и что предстоит «усвоить» это искупление. Иными словами, т. е. после Христа — реализация спасения, по Федорову, уже целиком зависит от людей. Вот решающие слова Федорова в этом отношении: если первородный грех «осудил нас на знание без действия» и обратил «древо познания в древо крестное», то «древо крестное объединяет всех в обращении знания в дело». Это именно и есть «христианский натурализм», который признает Голгофу, конечно, но как прошлое, а не как «длящуюся агонию Христа», по слову Паскаля: ныне в мире живет уже сила спасения, которая уже целиком имманентна миру (это то и есть здесь черта «натурализма»). Это вовсе не есть отрицание трансцендентного бытия — даже наоборот: сознание того, что сила спасения мира имманентна ему, что нам (ныне) всецело вручено дело спасения — ведь это же есть и «подчинение человеческой воли воле Божественной». Поэтому «противоположение человеческого Божественному в корне, по Федорову, неверно — не потому, что нет вообще Божественного, а потому, что ныне (после дела Христова) нам открыта «возможность и способность сделаться орудием Божественного плана». Евангелие не есть просто «благовестие», т. е. оно не дает «только знание», — оно есть «программа» для действия. Если «мысль и бытие не тождественны», то это значит только, что «мысль не осуществлена, — а она должна быть осуществлена».

Все это может быть сведено к гносеологическому тезису: «идея не субъективна, но и не объективна — она проективна». Это понимание познания заходило у Федорова так далеко, что он считал, что раз нам дано познавать вселенную, то значит дано и владеть ею — нам предстоит «не только посетить, но и населить все миры вселенной». «Сего ради и создан человек», — заключает свои размышления об этом Федоров.

Такова позиция Федорова в отношении смысла и возможностей познания. Начавшись с критики «бездейственного знания», его позиция, в силу той общей метафизики, которая у него созрела, привела его к той гносеологической утопии, которую мы только

что охарактеризовали. Обратимся теперь к изучению метафизики Федорова.

Мы уже говорили о метафизическом антропоцентризме Федорова — сейчас увидим, как в анализе человеческого существования Федоров находит основные элементы для построения всей метафизики.

Если вчитываться в произведения Федорова, то очень скоро станет ясным, что два болезненных чувства «язвили» его душу и определяли его мысли и построения. Первое чувство, которое мучительно томило его, — это чувство людской разобщенности и отсутствия братских отношений; второе чувство, может быть, не менее властно владевшее его душой, это невозможность забыть о всех тех, кто уже ушел из жизни. Как невозможно не думать о том, что в отношениях живых людей обычно в мире царит обычная отчужденность, — так же нельзя не думать о том, что в отношении к покойникам царит в мире та же отделенность от них, вытекающая на сосредоточенности всех на самих себе. В сущности, дело идет об одной и той же центральной идее в применении к двум категориям — к живым и к покойникам — идея эта есть признание неправды, замыкания каждого в самом себе, в отделении себя от живых и от умерших. Одна из основных статей Федорова (в I т.) называется очень типично: «Вопрос о братстве или родстве и о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного состояния мира и о средствах к восстановлению родства». «Жить нужно, — писал в этой статье Федоров, — не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех». Это очень типичная для Федорова формула, вводящая в самую исходную его идею: ему нужны «все» — и все живые, и все покойники, ему нужна, иными словами, та «полнота», которая входит в понятие Царства Божия. Не будет преувеличением поэтому сказать, что у Федорова была исключительная и напряженнейшая обращенность к Царству Божию, было глубочайшее отвращение к тому, что все как-то примирились, что Царства Божия нет в мире. Эта неутолимая жажда Царства Божия, как полноты, как жизни «со всеми и для всех», не была простой идеей, но была движущей силой всей его внутренней работы, страстным и горячим стимулом всех его исканий — его критики окружающей жизни, его размышлений о том, как приблизить и осуществить Царство Божие. Именно поэтому можно с полным правом сказать, что все вдохновение в творчестве Федорова определялось этой всецелой и горячей устремленностью к Царству Божию; это превращает все его творчество в христианскую философию, — и если Федоров в ряде своих построений далеко отходит от Церкви и церковного мировоззре-

ния, то это не ослабляет подлинности его всецелой погруженности в темы христианства.

Прот. Василий Зеньковский.

(Продолжение следует).

ЛИТУРГИЯ

2. Собрание в Церковь

«...когда вы собираетесь в Церковь»
1 Кор. 11, 18.

Мы собираемся в храм для Евхаристии. Это слово собраться выражает первый глубочайший смысл Литургии и ничто не показывает так потери понимания Литургии, как нечувствие христианами того, что первое действие ее и есть собрание, когда Апостол Павел говорит о «собрании в Церковь», под Церковью он понимает не помещение, а цель и природу собрания: собраться в Церковь — это означает составить Церковь, и само слово Церковь значит, прежде всего, собрание. Христос пришел, «чтобы рассеянных чад Божиих собрать во едино» (Иоанн, 11, 52), и Литургия от самого начала всегда была явлением и осуществлением единства нового народа Божия, собранного Христом и во Христе. Надо твердо знать и помнить: мы идем в храм не для индивидуальной молитвы, мы идем собраться в Церковь и сам видимый храм есть только образ того нерукотворного храма, который он покрывает. Поэтому «собрание в Церковь» есть действительно первое литургическое действие, основание всей Литургии, и не поняв этого, нельзя понять и всего дальнейшего тайнодействия. И когда я говорю — «я иду в Церковь» — это значит — я иду в собрание верующих, чтобы с ними вместе составить Церковь, чтобы быть тем, чем я стал в день крещения — т. е. — членом — в полном и абсолютном смысле этого слова, членом Тела Христа («вы — говорит Апостол — тело Христова, а порознь члены» 1 кор. 12, 27), я иду явить и осуществить свое членство, явить и засвидетельствовать перед Богом и миром тайну Царства Божьего, уже пришедшего в силу.

Оно пришло и приходит в силу — в Церкви. Вот тайна Церкви, тайна Тела Христова: «где два или три собраны во имя Мое, там Я посреде их». И чудо церковного собрания в том, что оно не

«сумма» грешных и недостойных людей, составляющих его, а Тело Христово. Как часто мы говорим, что мы идем в Церковь, чтобы от нее получить помощь, благодатную силу, утешение. Но мы забываем, что мы и есть Церковь, что мы ее составляем, что Христос пребывает в Своих членах и что Церковь не вне нас, не над нами, а мы во Христе и Христос в нас. И не в том только сила и назначение христианства, что оно каждому дает возможность «личного совершенствования», а в том, прежде всего, что христианам дано и заповедано быть Церковью, «народом святым», «царским священством», «родом избранных» (I Петра, 2, 9), являть и исповедывать присутствие Христа и Его Царства в мире. И святость Церкви, не наша святость, а Христа, Который возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее... дабы она была свята и непорочна» (Еф., 5, 25—27) и святость святых есть только раскрытие и осуществление того освящения, той святости, которую каждый из нас получил в день крещения, и возрастая в который мы призваны. Но мы не могли бы возрастая в ней, если бы уже не имели ее, как дар Божий, как присутствие Его в нас Духом Святым. Вот почему в древности все христиане назывались святыми и почему собрание Церкви есть святое собрание и собрание святых, как бы недостойны этой святости мы ни были. Не мы Его избрали, а Он нас избрал и осветил и дал нам составлять Тело Его, и потому «собрание в Церковь» есть наше служение, наш первый и главный долг, мы посвящены в него и оно принадлежит нам, пока мы сами себя не отлучили от него. В древности, не участвовавший без причины в евхаристическом собрании отлучался от Церкви, ибо он сам себя отсек от органического единства Тела Христова, являемого в Литургии. Повторяем, Литургия есть не одно из таинств, не одно из богослужений, а явление Церкви во всей ее силе и святости и полноте и только участвуя в ней мы можем возрастая в святости и исполнять все то, что заповедано нам. Собранная в евхаристическом собрании Церковь — даже если она из «двух или трех», есть образ и осуществление Тела Христова и только потому собранные смогут причаститься, т. е. принять участие, быть общником Тела и Крови Христовых, что они являют Его своим собранием. Никто никогда не мог бы приобщиться, никто никогда не был достоин и «достаточно» свят для этого, если бы не было ему это дано и завещано в Церкви, в собрании, в том таинственном единстве, в котором мы, составляя Тело Христово, можем неосужденно Бога назвать Отцом и быть участниками божественной жизни... Отсюда очевидным становится, до какой степени чудовищно нарушает сущность Литургии современное «индивидуальное» вхождение в храм в любой момент Богослужения. Сохраняющий таким обра-

зом свою «индивидуальность» и «свободу» не знает, не понял тайны Церкви, он не участвует в таинстве собрания в этом вечном чуде воссоединения раздробленной и греховной природы человеческой в богочеловеческое единство Иисуса Христа.

3. Священник

«и Сей, поелику пребывает вечно, имеет и священство непреходящее»

Евр. 7, 24.

Если собрание Церкви есть образ Тела Христова, то образ Главы Тела есть священник. Он предстоит в собрании и возглавляет его и именно это возглавление делает из «группы христиан» — «собрание Церкви», имеющей всю полноту даров и являющей в полноте всю Церковь. Потому что, если священник, по человечеству, есть только один из собравшихся, быть может, самый грешный и недостойный, то по Дару Духа Св., хранимому Церковью от Пятидесятницы и непрерывно передаваемому через возложение рук епископа, он являет силу священства Христова, который посвятил Себя за нас и есть единый священник Нового Завета. Как святость собрания есть святость не людей, составляющих его, а освящение Христово, так и священство священника не есть его, но единое священство Христово, данное Церкви, потому что она сама есть Тело Его. Христос не вне Церкви и никому не «делегировал» ни Своей власти, ни силы, но Сам живет в Церкви и Духом Св. исполняет всю ее жизнь. Священник не «представитель» Христа, но в таинстве — он Сам Христос, как и все собрание — Его Тело. Возглавляя собрание, он в себе объединяет его и являет единство Церкви во Христе, единство всех ее членов. В этом единстве предстоятеля и собрания явлено богочеловечество Церкви, тождество ее с Христом.

В теперешнем чине Литургии все это «символизируется» в облачении священника и затем во всех его действиях. К несчастью теперь вся эта первая часть священнодействия стала как бы единоличным делом «духовенства», и это даже закреплено в служебнике, по которому священник и диакон одни входят во храм, облачаются, совершают омовение рук и приступают к проскомидии. По существу же, и это необходимо подчеркнуть и вход священника, и его облачение и омовение рук имеют прямое отношение к собранию, предполагают собранность Церкви. С этой точки зрения «архиерейский чин» литургии, который многие не любят за его якобы излишнюю «торжественность» правильнее выражает смысл всех этих действий. «Встреча» архиерея, облачение его

посередине Церкви и омовение рук перед народом правильны потому, что все это литургические действия, органически связанные с собранием. «Когда народ вошел, входит епископ», часто замечает в своем описании иерусалимского Богослужения IV века автор т. н. «Itinerarium Aethera» 1). Собрание предшествует входу священника, собранный народ ждет его. Он возглавляет его, тем самым делая его сакраментальным собранием Церкви и это, естественно, предполагает сначала собранность, а затем возглавление, а не наоборот. И теперешние т. н. «входные молитвы» относятся ко всем, а не к одному священнику, т. к. священник никогда не оторван от собрания, всегда действует в нем и от него.

Также и облачение священника не перед, не вне Литургии, а есть литургический акт, мыслимый только уже в собрании т. к. оно есть образ сакраментального единства Христа и Церкви, нерасторжимое единство многих, составляющих одно 2). Белая одежда (подризник), надеваемая сначала священником есть та крещальная одежда, которую каждый из нас получил в крещении, это одежда всех крещенных, всего собрания и надевая ее священник являет единство собрания, «суммирует», объединяет всех нас в себе. Епитрахиль есть образ принятия Спасителем нашей природы для ее спасения и обожения и она показывает, что священство, как уже сказано, есть всегда священство Самого Христа. Также и поручи: руки священника, которыми он благословляет и священнодействует уже не его руки, а «десница Христа», они посвящены Его делу, единому спасительному делу, совершенному Христом и исполняемому в Церкви. Пояс — есть всегда знак послушания, готовности, собранности. Священник не сам восходит и поставляется «на высокие», но послан на это служение, и он «не болей Господина своего», за Которым следует и по благодати Которого служит. И, наконец, фелонь, или риза, есть слава Церкви, как творение Нового Завета, радость и правда новой жизни, явление и прообраз Царства будущего века, образ Господа, Который воцарится и «в лепоту облечется». Облачение заканчивается омовением рук. Это значит, что Евхаристия есть дело тех, которым прощены грехи и оставлены беззаконие, кто примирен с Богом, что это служение нового человечества —

1) Etherie. Journal de voyage. Ed. «les Sources chrétiennes» 1948.

2) Облачение имеет длинную и сложную историю, которой мы здесь не будем касаться. См. G. Dix. The Shape of the Liturgy.

«неповинного», «некогда не помилованного, а ныне помилованного» (I Петр., 2, 10).

Мы входим в храм, мы собираемся в Церковь, мы облакаемся в одежды новой твари — таковы первые действия великого таинства.
Свящ. Александр Шмеман.

О ЧАЙКОВСКОМ

Тема Чайковского одна из самых трудных и интересных в истории музыки. Настоящего анализа творчества Чайковского во всем его объеме до сих пор не было сделано, и место его в истории русской и мировой музыки еще не определено. Здесь перед историком еще неподнятая целина — не говоря уже о том, что превосходнейшие из партитур Чайковского до сих пор находятся еще в тени, никогда или почти никогда не исполнялись. Сюда относятся например: концертная фантазия для фортепиано с оркестром соль мажор, соната для фортепиано соль мажор, вторая оркестровая сюита, фортепианные вариации фа-мажор, фортепианная «думка» до минор, первые три симфонии (соль минор, до минор, ре мажор) симфония Манфред и очень много других. Любопытно, что если восстановить творческий образ Чайковского по этому большинству неисполняемых, или мало исполняемых, но лучших его вещей, то выступит совершенно особая сторона дара Чайковского: густая яркость красок, полнота жизненных сил, склонность к стихийным, страстным экстазам, мощь, чрезвычайная, так сказать мускулистость, плотность, заставляющая невольно вспомнить о Рубенсе. Звукопись Чайковского чувственно завлекательна в высшей мере, это — полнокровное питающее чувство. Вообще в Чайковском, также как в Шумане — две стороны: субъективная склонность к лирическим излияниям — и блестящая грандиозная мощь, очень мужественная и очень полнокровная. Этот дуализм в творчестве Чайковского все время необходимо иметь в виду в исторической оценке. Женственно прекрасных тем у Чайковского очень много, но сама муза Чайковского в ее целом отнюдь не женственна. Богатырство у Чайковского в большом изобилии, также как и много у него мажора, подобно Бетховену (он и есть русский Бетховен). Чайковский любит радостные песни, отлично поет их и достигает в них колоссальной силы. Лишь силою таинственного рока автор «Пиковой дамы» сломан и прибит, вынужден петь печальные песни, всегда, однако, сохраняя способность к мужественной светлой богатырской напевности, к грандиозным темам и гармониям чисто русского типа, к пышному блеску оркестровых красок.

Музыкальные заслуги Чайковского очень велики и творческое наследие его в качественном и количественном отношении так импозантно, что могло бы сделать честь целому поколению композиторов. Среди его учеников числятся величины как Рахманинов, Танеев, Кастальский и другие. Педагогом и музыкальным критиком он был незаурядным, оставив большой том музыкально-критических статей и два учебника гармонии, отлично справился с трудной и ответственной работой по редактированию сочинений Бортнянского.

Такое почтенное наследие объясняется тем, что у этого мастера природный дар сочетался с такой же громадной, тщательно выработанной техникой и железной силой воли: настойчиво усидчивая работа Чайковского могла бы сделать честь любому трудолюбивому немцу. Трудоспособность Чайковского вообще имеет мало примеров в истории человеческого творчества, а техника его, также как техника Римского Корсакова и Стравинского — целый особый мир, требующий специального исследования. В лучшие свои моменты фактура Чайковского очень прогрессивна, изыскана, даже модернистична, являясь одним из источников всего наиболее ценного в новейшей русской музыке и на ней заметно базируется Игорь Стравинский. Конечно, этот композитор не имеет предшественников в специальном и узком значении слова, но все же более всего связан с Чайковским, и потом уже с «кучкой».

Дирижеры и вообще музыкальные исполнители, играющие Чайковского, делают постоянно одну и ту же неизменную ошибку: они большею частью оставляют в тени мощь и мужество Чайковского, всячески подчеркивают его «пресловутый лиризм», размазывая до невозможности чувствительность и меланхолию. Получается картина не только односторонняя и ложная, но даже и карикатурная. Если дирижеры с виртуозами возьмутся за те многочисленные композиции автора «Спящей красавицы», в которых звучит жажда жизни, упоение и мужество, а в популярных произведениях этого композитора станут подчеркивать объективно красочную и витальную сторону, то тогда открыт будет новый, до селе неведомый медно-мраморный Чайковский, погребенный под дешевым гипсом и мусором ложных толкований и безвкусной мешанской слезливости. Но и во всем, что составляет теневую сторону Чайковского—его мрак, меланхолию, заунывность и депрессию следует подчеркивать утонченность и техническое совершенство. Тогда и здесь лик Чайковского предстанет в новом свете и для этого композитора настанет новое бытие, наступит время более справедливых оценок и верных исторических перспектив.

Очень трудно установить музыкальную генеалогию Чайков-

ского. Влияний и историй генетических нитей так много, а индивидуальность автора «Ромео и Джульетты» так универсально широка и сильна, что историку приходится пересматривать все сызнова. Европейская генеалогия Чайковского прежде всего бросается в глаза со стороны Шумана. Впрочем, «шуманизм» вообще характерен для русских композиторов и, кажется, один только Глинка избежал чар прямого влияния этого мастера. Бетховена Чайковский как-то не долбил и чуждался, совсем не любил Шопена. Отчуждение от Бетховена объясняется как раз тем, что внутренне они очень близки друг к другу, и их жизненные и музыкальные темы — аналогичны. Чайковский, как это случалось со многими русскими людьми, безотчетно и эмоционально влекся к французам и итальянцам. Вокальный стиль его опер скорее итальяно-французский, но это объясняется свойствами русской культуры и вокальной русской стихией. Здесь не мешает заметить, что исполняют в России Верди, Бизе, Россини, Гуно — превосходно, выше всякой похвалы. Образовалась даже настоящая и очень прочная традиция русско-французско-итальянского стиля. Чайковский симпатизировал даже французской шансонетке, французскому балету и отталкивался от Вагнера, от его системы гораздо сильнее, чем, например, Римский Корсаков. Впрочем, стиль опер Чайковского — особый, ему одному свойственный субъективный и абсолютно недоступный для подражания, ибо подражатель неминуемо попадает в безвкусицу. От провала в обывательщину Чайковского спасал колоссальный талант и громадная техника, но этот талант неповторим. И все же во вкусах Чайковского было много от, так называемого, среднего обывателя... Не было ни гордости, ни позы, ни бунта, ни претензии. Был милый «дядя Петя» и — как один из нас, и даже из самых маленьких и серых. Все в нем глубоко человечно, и жалок он, как каждый из нас, он «обыкновенный», и при том очень добрый, очень порядочный и чрезвычайно несчастный человек. Но в музыке этот «один из сынов человеческих» находит всю гамму выражений... От простой, домашней лирики салонного и домашнего уюта, до райского блаженства и адовых терзаний, от средних переживаний ничем не потревоженного биоса, до грандиозных экстазов космических содроганий, тысячегортанного воя и скрежета труб рока, настоящее «Нисхождение в мальстрем» Эдгара По... Волею судеб «времен от вечной темноты» к обыкновенному человеку дан был в удел полный нечеловеческой, богатырской мощи гениальный аппарат художественного выражения, прошедший к тому же отличную трудовую школу. И получился Чайковский — русский Бетховен. Русская литература знает таких «гениальных обывателей». Это явление вообще характерное для последнего периода дореволю-

ционной России: Розанов, Лесков, пожалуй, даже, Фет. Однако, переживая головокружительные экстазы Чайковского, надо еще назвать имена Пушкина и Шекспира. Вечная загадка Чайковского — это двуединство милого уютного «дяди Пети» и гиганта, равного Пушкину.

Чайковский глубоко русский композитор... и может быть вместе с Глинкой и Стравинским назван в первых рядах русской музыкальной культуры. Много европейцев и русских, склонных идти по проторенной дорожке, неоднократно выражали свое сомнение в русскости Чайковского. Это странное недоразумение объясняется тем простым обстоятельством, что вовсе сырой или же полуобработанный фольклор смешивают с национальным искусством. Между тем фольклор во всех его видах есть только одна из возможностей или основ национального искусства, и притом одна из основ отнюдь не обязательных. Специфические темы, а также то, что называют местным колоритом, тоже не есть необходимое условие национального искусства. Можно написать симфонию и вообще какое либо произведение, наполнив их до отказа тем, что проф. Н. С. Трубецкой язвительно назвал «дюрюсс с петушками» и не быть в линии русского искусства ни в какой степени — вызывая только веселое настроение среди понимающих дело людей. Таковы, например, оперы Направника и Антона Рубинштейна на, так называемые, темы русского сюжета. И обратно — можно взять все западное: и тему, и дух, и местный колорит — и все же получится великое произведение русского национального искусства. Таковы, например, драматические отрывки Пушкина — «Моцарт и Сальери», «Скупой рыцарь», «Каменный гость»... и музыка Римского Корсакова к «Моцарту и Сальери», равно как и музыка Даргомыжского к «Каменному гостю» — тоже произведения русского национального искусства. Если следовать общепринятым взглядам, то, конечно, сборники Афанасьева, Кирши Данилова, Сахарова, словари и рассказы Даля можно признать за национальное искусство. Но уже жуткий «Пир во время чумы» Пушкина и блестяще глубокий «Дон Жуан» Алексея Толстого не будут произведения русского национального искусства. Точно также придется признать «Жизнь за Царя» Глинки русским искусством, а его прелестный романс «Я здесь, Инезилья» или увертюру «Ночь в Мадриде» придется вычеркнуть из списка «русских». Но, конечно, дело обстоит совсем иначе. «Национальность» означает включенность в данную культуру, в ее исторические традиции... но культура и традиция их не обязательно «кровные», «расовые», но скорее духовные — это есть принадлежность данной творческой традиции. Любопытно, что не только сюжет, даже язык и внешний стиль архитектуры, не

играют здесь решающей роли. Французские письма Пушкина, помещичьи дома в стиле ампир — гораздо более национальны, чем нарочитые рассказы из народного быта Кахановской или Марко Вовчка, также и некоторые церковные луковки. Гениальные драмы Ибсена, враждебные Норвегии и написанные на датском языке (ибо Норвегия не имеет своего литературного норвежского языка) — честь и слава норвежского национального искусства. Квартеты Бетховена (ор. 59) (особенно финал квартета фа мажор того же опуса), Скерцо 9-й симфонии того же композитора с их ультра русскими темами (камаринская), fuga ми-бемоль минор (из первого тома *Wohltemperiertes Klavier*) с такой же насквозь русской темой — все это великие произведения немецкой национальной музыки, вне ее не явились бы на свет и объяснимы только через нее. Тоже придется сказать и о вещах Чайковского с темами немецкого, итальянского или французского пошиба. Все это произведения русской национальной музыки. Но сверх того, у Чайковского очень много фольклора, очень много русских тем и мелодий в буквальном, общепринятом смысле слова — их у него не меньше чем у Глинки или Римского-Корсакова с Мусоргским. И отрицать русскость Чайковского можно только по неведению или по недоразумению. Совсем уже непонятная аберрация существовала относительно Чайковского в самой России, хотя ее наличность наблюдалась и за пределами родины великого композитора. Именно, не замечали или мало замечали симфонизм, инструментализм и ученый стиль письма Чайковского, считая его «вокалистом» и антиподом Римского-Корсакова, хотя понимающие дело люди давно уже заметили, где центр тяжести творчества Чайковского. Лишь одна черта резко выделяет Чайковского от кучки — это то, что Чайковский был лебединой песнью дореволюционной России и страдал подчас некоторыми аномалиями с точки зрения строгого музыкального вкуса, в то время как кучка была в значительной мере пророчеством о послереволюционной России и вкусы ее были безошибочно строги, несмотря на отдельные выходы и выпадки, а иногда даже благодаря им. Впрочем, «дореволюционность» Чайковского несколько не мешает его вдохновенному воздействию в наше время. Автор симфонии «Манфред» как никогда свеж, увлекателен и чарует всех тех, кто имеет уши, чтобы слышать.

Период, охватывающий жизнь и творчество Чайковского — один из самых интересных русской культуры, ибо девятнадцатый век в середине его второй половины есть век великих реформ, грозных сдвигов и предчувствий, век предгрозных томлений, век одной из величайших в мире литератур (время Толстого и Достоевского), век русской музыки и живописи.

Детство и юность Чайковского относится к царствованию императора Николая I, когда наметился и грозно разросся раскол между грандиозным ростом русского самосознания, русской мощи и упорным завинчиванием пресса опекающей реакции, давно потерявший характер патриархальности и превратившейся в голый откровенный полицейский зажим на основе «просвещенного абсолютизма» т. е. революции сверху. Кроме того здесь встретились и вступили в конфликт два «просветительских» течения — одно, шедшее сверху, со стороны правительства, другое шедшее снизу — от начавших пробуждаться «разночинцев». Жестокость и катастрофичность конфликта еще увеличивались тем обстоятельством, что здесь «своя своих не познаша». Дух и творчество интересовали их меньше всего. Глинку и Пушкина презирали в равной степени обе борющиеся стороны, хотя «Жизнь за Царя» Глинки и «История Пугачевского бунта» Пушкина встретили некоторую поддержку только за свое «направление» (которого на деле не было). Однако, аристократия, выпавшая из русла русской культуры с отвращением отшатывалась от Глинки, называя его музыку — «музыкой для кучеров» и она же совершенно явно приняла участие вместе со Двором в убиении ненавистного Пушкина. Когда же появился «Руслан» Глинки, то на этот раз царь не обратил на величайший шедевр русской музыки никакого внимания, а заинтересовалась им сверху только одна цензура, заменившая «Владимира» нелепым «Светозаром». Травля и оплевание Пушкина франтом Писаревым, этим снобом и «первым любовником» просвещенской журналистики, эстетом кокетничего ниглизма — факт достаточно известный. В этой травле, поскольку она была явлением общественным, соединились все социальные слои, группировки, все сословия... И выяснилось, что понятие «черни» здесь расширилось до объема поистине всероссийского от царя до Чернышевского. Не любят люди божественного огня.

И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.

Всюду и всегда гениальность означает оплевание, бичевание крест и распятие. И прежде всего гений — это жестокая борьба с народом, его породившим, с той самой утробой, которая не только колыбель, но и могила гениальности. «И враги человеку домашние его», говорит Евангелие. «Органическая», «расовая», «национальная» теории терпят жестокий крах именно в проблеме гениальности, которая есть не кровь, но явление духа и силы.

Проф. В. Ильин.

(Продолжение следует).

О ЖИЗНИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

За последние годы до нас доходило не мало сведений о Церкви в России. К сожалению, эти сведения касаются большей частью внешнего положения Церкви и имеют официальный характер, но все же мы можем составить себе некоторое представление о жизни Русской Церкви.

К началу последней войны положение Церкви в России было совершенно трагично. Почти все духовенство и громадное большинство церковных деятелей были уничтожены, находились в ссылке или отреклись от Церкви; масса верующих боялась как бы то ни было обнаруживать свою веру и даже просто посещать богослужения. Лишь немногие храмы оставались открытыми. Молодое поколение теряло связь с христианством; значительная часть его не была крещена или была крещена тайно. То духовенство, которое еще продолжало служить, или скрывалось, или старалось всячески приспособиться к власти, хотя такое приспособление удавалось только высшему епископату во главе с митрополитом Сергием, а не священникам, которых все-равно рано или поздно ссылали.

Положение изменилось с началом войны 1). Главной причиной неожиданного благоволения советской власти к Церкви было желание расположить в свою пользу общественное мнение Англии и Америки и всемерная поддержка, оказанная самой Церковью власти в борьбе с Германией. Эта поддержка имела три стороны: возбуждение в народе антинемецкого патриотизма, помощь красной армии и неустанное прославление советского правительства. В первом отношении иерархия хотела быть верной исконной патриотической традиции Русской Церкви. Материальная помощь армии должна была доказать, что Церковь помогает не только на словах, но и на деле. Прославление власти с одновременным поношением ее врагов (а заодно и противников Московской Патриархии) показывало, что иерархия хочет не только отражения внешнего врага, но при том и укрепления коммунистического строя. Таким образом, Церковь делалась во всех отношениях полезной власти и вполне для нее безопасной 2). С другой стороны, патриотизм, охвативший тогда весь народ, оживил в нем и рели-

1) Некоторые утверждают, что оно изменилось бы и без войны, но мы не можем проверить справедливости этого утверждения.

2) Чтобы понять дух отношений между иерархией и властью в 1941—2-ом году, хорошо прочесть книгу «Правда о Церкви в России», изданную в Москве в 1942 году. В этой книге митр. Сергей кстати утверждает, что вся история о гонениях на Церковь

гиозное чувство, а возможность посещать богослужения, не боясь за это преследований, приблизило его к Церкви. Следовательно, военный патриотизм сблизил Церковь и с народом, и с властью. Говорят, во время молебнов и панихид, связанных с войной, можно было видеть у молящихся подлинное умиление и слезы.

С тех пор количество приходов в России увеличилось во много раз, хотя открытие их зависит не только от общего разрешения центральной власти, но и от благоусмотрения местных властей и отношения их к местному архиерею... Говорят, что приблизительно половина русского народа продолжает быть верующей; немудрено, что храмы переполнены: на многомиллионное население Москвы открыто всего 34 храма — меньше, чем их есть на 70.000 эмигрантов во Франции. Богослужения совершаются истово и длительно (всенощная длится 2 часа и больше); повсюду сохраняется славянский язык; совершается много свадеб (даже в присутствии военных в форме!) и крестин; крестятся и взрослые. Причащаются верующие в среднем несколько раз в год, но личной исповеди, по особым причинам, избегают; широко распространена общая исповедь.

Управление Церковью совершенно централизовано. В сущности, все зависит от патриарха и его сговора с правительством. Самый собор 1945 года не обсуждал никаких вопросов и в течение двух дней принял все предложенные ему решения. При патриархе состоит синод из трех митрополитов, входящих в него по должности и трех епископов, поочередно приезжающих на одну сессию, из числа всего епископата. Архиереи назначаются и увольняются по благоусмотрению патриарха; при них может быть, хотя и необязательно, совет, ими же назначаемый. За ведение прихода всецело ответственен настоятель; приходской совет состоит из трех лиц, выбранных на хозяйственные должности. Приходы и епархии имеют права юридического лица, т. е. могут приобретать имущество и вести самостоятельное хозяйство лишь под общим надзором государства. Церковь обладает вполне достаточными средствами; справляется с необходимостью ремонта храмов и помещений, переходящих в ее руки. Духовенство имеет порядочный заработок, и налоги стали, будто бы, для него сносными... Большая трудность для Церкви — найти достойных кандидатов в священники и особенно в архиереи. Речь идет не о нравственных качествах кандидатов, а об их подготовленности со стороны образования и опыта церковной деятельности. образо-

в России выдумана русской эмиграцией в угоду мировой буржуазии и что при этом эмиграция лгала, выдумывая несуществующие факты.

вательный уровень священников весьма низок, а в епископы посвящают большею частью престарелых протоиереев. Говорят, что пока, кроме патриарха и митрополитов, никто из русских архиереев не выдвинулся своими административными способностями... Уничтоженный революцией русский епископат и священство приходится создавать заново, и можно не без основания тревожиться за те традиции, в которых они будут воспитаны. Есть, в частности, опасение, что дух раболепства перед властью, как духовной, так и светской, с соответствующей властностью в отношении к низшим, будет широко распространен в новом духовенстве, культурный же его уровень будет, вероятно, повышаться весьма медленно.

Какую просветительную работу может вести сейчас Русская Церковь? В отношении верующего народа духовенство может пользоваться только проповедями или частными беседами. Проповедь, говорят, сейчас чрезвычайно распространена в России: духовенство проповедует постоянно, иногда и за всенощной и за литургией, и проповеди длятся по часу и более; священники пользуются ими не только для назидания, но и для религиозного образования верующих: народ слушает проповедников с большой охотой и терпением. Такой расцвет проповеди должно горячо приветствовать; русское духовенство имело всегда склонность безмолствовать, а верующие у нас обычно недолюбливают проповедей. Это «бессловие» чуждо подлинной традиции Церкви; слава Богу, что наша Церковь его преодолевает...

С религиозным образованием детей обстоит плохо: оно запрещено для детей и юношей до восемнадцатилетнего возраста; невозможны, следовательно, ни воскресные школы, ни какие бы то ни было детско-юношеские церковные организации. Церковь не может также устраивать открытых собраний. Некоторые священники устраивают, однако, религиозные кружки... Единственный печатный орган Церкви — Вестник Патриархии: кроме официальной части, там печатаются статьи и проповеди религиозного содержания, а равно восхваления советских вождей и советского строя. Печатание богослужебных книг и Свящ. Писания еще только предполагается... Несколько лучше положение со специальным богословским образованием. Богословский Институт в Москве действует уже несколько лет; существует несколько пастырских курсов; открыт богословский институт в Петрограде. Однако, число студентов очень ограничено: в Московском Институте всего около 40 учащихся всех возрастов (живут и питаются студенты в общежитии). Опытных профессоров почти нет; из старых профессоров богословия осталось только два. С книгами тоже очень плохо. Как будто, Церкви можно будет воспользо-

ваться богословским отделом Румянцевского Музея; кое-что отыскивается из старых семинарских библиотек. На вопрос, существует ли сейчас в Русской Церкви живой интерес к богословию, одно духовное лицо из России ответило, что об этом говорить преждевременно. Как будет развиваться русская церковная культура? — Несомненно с большим трудом... В каком направлении? — У нас нет данных, чтобы ответить на этот вопрос; думается, скорее в консервативном, но при общем невежестве и нездоровой духовной атмосфере, можно опасаться всяких уклонов. Чтобы восстановить ту богословскую зрелость, которой обладала наша Церковь к началу революции, понадобятся, во всяком случае, несколько десятилетий.

Чем духовно живет Русская Церковь? Религиозным патриотизмом, с привнесением в него соблазна специфически коммунистического империализма? — Отчасти, несомненно, да, но далеко не им одним. Русский народ, очевидно, продолжает быть приверженным к богослужению и храму; он ищет в Церкви утешения от всех скорбей, как во все худшие времена своей истории; многие души влекутся самой святостью христианства, столь драгоценной среди мрачной обстановки жизни... Распространяется монашество; много иеромонахов на приходах; возникают, в качестве трудовых коммун, монастыри. Монахи, как будто, меньше отворачиваются от монастырской жизни, чем за границей... Сколько можно почувствовать, вокруг Московской Патриархии атмосфера преимущественно деловая: вопросы общей церковной политики, отношения с властью, развитие церковной организации и учреждений стоят на первом месте; к жизни подход «трезвый». Патриархия властолюбива: она столько же преклоняется перед светской властью, сколько не терпит никакой оппозиции внутри Церкви, стараясь повсюду утвердить и расширить свою власть, даже и за пределами Советского Союза; веет как бы духом «вождизма», столь свойственным эпохе и русской психологии... Но каковы настроения среди духовенства и верующих? Отрадилось ли на них мученичество? Каковы их чаяния?... Хотелось бы знать больше о духовной жизни Русской Церкви.

Мы отметили, что отношение правительства с Церковью переменилось с 1941 года. Как же они складываются? — На началах взаимных услуг. Государство предоставило Церкви некоторую возможность жизни и развития; за это Церковь признает над собой контроль государства и согласует во всем свою деятельность с видами правительства. Московская иерархия усиленно подчеркивает божественное и народное происхождение советской власти, благодарит Бога за то, что Россия имеет такую власть, главу советского правительства провозглашает величайшим и самым

светлым воплощением русского духа; как в России, так и за границей всячески прославляет коммунистическое государство и его вождей. Коммунистический строй в России принимается в целом; самый коммунизм, будто бы, нечужд христианству, ибо и первые христиане были коммунистами! Утверждается даже, что в нынешней России осуществлена, как никогда, справедливость и любовь, и что ныне осуществлены все идеи русских религиозных мыслителей XIX века, с Достоевским и Соловьевым включительно. Никогда, будто бы, в России еще не было таких благоприятных условий для развития Церкви. Безбожие, материализм, безнравственность, деспотизм и бесчеловечность коммунизма не только замалчиваются, что неизбежно, но и не принимается никак во внимание. Замечательно, что, если иерархия столь широко идет навстречу коммунизму, то самим коммунистам продолжает быть запрещено принимать какое бы то ни было участие в церковной жизни. Замечательно и отсутствие амнистии заключенным церковникам. К врагам государства иерархия проповедует ненависть и месть и, разумеется, готова беспощадно извергать их из Церкви... Отношение к православным и инославным церквям за границей строится соответственно интересам правительства: отсюда, например, и империализм Московской Патриархии в православном мире и враждебность ее к католичеству; сама гонимая, русская иерархия приветствует насильственное присоединение к православию униатов 1)... В России она поддерживает советскую пропаганду, за границей привлекает симпатии христиан всех исповеданий к советскому правительству и коммунизму, ибо если русская иерархия в восторге от коммунистической власти, значит, коммунизм не только не страшен, но прямо благоприятен христианству...

Можно думать, что коммунистический строй кажется многим в России неизбежным и привычным, и прославление его — жизненной необходимостью, что каждая возможность подлинной жизни вызывает готовность оплатить ее какой угодно ценой. Недаром, один верующий из России говорил: «мы стараемся не думать о наших отношениях с коммунистической властью; пользуемся всякой возможностью церковной жизни, не зная, что будет завтра, но надеясь, что завтра будет лучше»... Мы не осуждаем русской иерархии; мы не можем только ей следовать и скрывать правду. Будем молить Господа, чтобы Он молитвами всех святых Земли Русской избавил Русский народ и Церковь не только от мучени-

1) Сведения о взаимоотношении государства и Церкви в России почерпнуты нами, главным образом, из Вестника Московской Патриархии и официальных интервью.

чества, но и от всех тяжких искушений, посетивших ее в наше время.

ОТЧЕТ О РАБОТЕ Р. С. Х. Д. ВО ФРАНЦИИ ЗА 1949 ГОД

Движение ставит своей задачей собирание русской молодежи и детей вокруг Православной Церкви с целью приобщить ее к жизни и духовным богатствам Церкви, а так-же укрепить в молодежи и детях связь с нашей родиной через изучение русской культуры. Задача эта особенно важна в наше время, когда в мире идет острая и напряженная борьба. Необходимо помочь русской молодежи в ее скитальческом пути найти подлинный смысл жизни. Необходимо укрепить ее духовные силы и сплотить вокруг вечной правды Христовой.

Задача Движения — пробудить, уточнить, углубить религиозное сознание православной молодежи, поэтому Движение занимается вопросами религиозного воспитания, религиозного сознания, вопросами жизни Православной Церкви и церковной общественности.

Работа Движения в настоящем году протекала в следующих начинаниях:

1) работа с молодежью студенческого возраста, 2) работа с юношеством, 3) четверговая школа, 4) лагерь и 5) библиотека.

Студенческая работа в свою очередь подразделялась на следующие отделы:

1) кружки, 2) миссионерская работа, 3) издательская деятельность, 4) местные и международные съезды, 5) организация публичных лекций, 6) участи в Епархиальной жизни и в жизни нашего прихода «Введения во Храм Пресв. Богородицы», 7) дом Р. С. Х. Д. (покупка и ремонт).

Кружки

В прошлом году Движением было организовано 8 кружков, основными темами которых были следующие вопросы: изучение Нового Завета, богослужений, таинств, учение о Церкви, а так-же существовали кружки, посвященные изучению развития русской религиозной мысли, русской литературе и общей теме «Православие и культура».

Осенью прошлого года на деловом съезде с исключительной остротой обсуждался вопрос о преимуществе прямых методов в работе религиозного воспитания молодежи. Раздавались голоса: хотим знать Христа и жизнь Церкви непосредственно из Евангелия, из живого Предания Церкви, а не через Соловьева, Достоев-

ского. В этом сказывалось влияние, свойственное нашему времени. Молодежь, работающая на церковном поприще, обращена ко вселенской традиции Церкви, поэтому для нее русская религиозная мысль и ее традиции перестают играть универсальное, всеобъемлющее значение, как это было для старшего поколения. Она не отвергает и не отталкивается от русской культуры, от всего того, что является вечным достоянием русского народа и России, но обращается и к тем истокам, которые вдохновляли создателей русской православной традиции. Внимание ее привлекает в меньшей степени русская литература и русская религиозная мысль. Она почти не склонна рассматривать литературу, как одно из великих средств в деле воспитания и питания религиозных потребностей души. Но в этом можно усмотреть нечто вполне естественное, ибо если в прошлом наша великая и богатая литература была выражением живых исканий русского человека, в силу чего она имела и тот громадный резонанс у русских людей, тогда как в наше время традиция эта прервана. Нет больше продолжателей русской традиции, как в области литературы, так и в области богословского творчества, большевицкая действительность положила этому конец. Эмиграция, в силу ее распыленности и малочисленности, лишена тех творческих возможностей, которыми обладала Россия.

Молодежь наша, выросшая и воспитанная на Западе, естественно вынуждена обращаться или к западной современной литературе, которая отражает духовные настроения и искания нашей эпохи, или-же к той части западной богословской мысли, которая сейчас внимательно изучает великое богатство православной Церкви первых веков христианства, ибо молодежи понятно и убедительно только то, что выражено на языке современности. Истина и правда, выраженные только в категориях современности, имеют для нее жизненную силу и убедительность. Много, имеющее вечное значение, остается современной молодежи недоступно, т. к. облечено в старые формы русского языка. Феофан Затворник, несмотря на его громадное значение в истории развития русского старчества, связанного с внутренним деланием, остается чужд и непонятен молодежи, т. к. все его творения написаны языком, от которого веет архаичностью.

Понятие «современности» — несмотря на избитость и затасканность его, должно иметь свою положительную и правильную оценку.

Значение работы Движения и определяется прежде всего тем, что оно в своей работе стремится выразить правду Христову на языке современности, показать молодежи, что христианство не есть архаическая святыня, хранение которой заве-

щено нам нашими предками, а прежде всего жизненная сила, которой должна определяться вся наша жизнь.

Движение, организуя кружки молодежи, зовет ее принимать в них участие, разрабатывать в них те или иные близкие ей темы, обсуждать их, высказывать свои недоумения, вопрошания и искать решения последних в соборном опыте общего делания.

Сейчас в Движении раздаются голоса, что Движение должно искать каких-то иных форм ведения религиозной работы с молодежью, т. к. кружковая работа осознается, как недостаточная. Некоторые склонны вообще рассматривать кружковую работу, как несвойственную духу и жизни Православной Церкви.

Принимая во внимание эти заявления, нужно указать, что трудности, переживаемые некоторыми кружками, во многом обусловлены психологией современной молодежи, которая не способна к систематическому, упорному, доводящему любое начатое дело до конца, — труду. Этим, отчасти, объясняются те перебои в посещаемости кружков, от которых страдает работа кружков. В своей работе мы должны проявлять огромное терпение и настойчивость, которые могут принести свои большие плоды.

I. Литургический кружок, руководимый свящ. Александром Шмеманом — собирался по четвергам один раз в месяц. Работа кружка для постоянных членов его принесла им громадную пользу. Для многих доклады, читаемые в кружке — были откровением, по новому осмысляющим их участие в литургической жизни Церкви. Доклады, главным образом, читал о. А. Шмеман о Литургии, хотя был прочитан ряд докладов молодыми богословами на темы: о Таинстве Крещения, Миропомзания и Елеосвящения.

II. Кружок Т. Лебедевой и К. Ельчанинова, собиравший молодежь, бывшую в студенческом лагере в 1948 г., начал свою работу с особым подъемом и вдохновением. Он поставил себе две задачи: во-первых, изучение Нового Завета, во-вторых, организацию социальной помощи нуждающимся. Темы собраний руководителями совместно тщательно разрабатывались, составлялись вопросы, в которых намечались центральные темы того или иного евангельского отрезка и предварительно рассылались всем участникам собрания, благодаря чему работа кружка протекала очень живо и интересно.

Отдел помощи нуждающимся начал свою работу с большим увлечением, собирались вещи, чинились, приводились в порядок и рассылались бедным. Особенно потрудились в этом отделе девочки Юношеского Отдела.

Во второй половине года руководители реорганизовали жизнь и работу кружка, превратив его в клуб для молодежи, изменив соответственно и его программу.

Клуб в своем замысле мыслился, как нечто, вокруг чего могла бы собираться вся молодежь, принимающая участие в работе Движения.

Собрания клуба начинались в 7 ч. вечера. Обычно устраивался буфет, программа клуба начиналась в 8 ч. вечера, при чем ей уделялся один час времени, полчаса священному писанию и полчаса очередному церковному празднику. По окончании программы участникам клуба предоставлялась полная свобода, — некоторые просматривали периодическую литературу, другие слушали диски классической музыки, третьи вели споры на те или иные темы.

В настоящем году Движение снова возобновило работу клуба, видоизменив лишь программу, наметив ее в следующем виде: краткая лекция о биографии того или иного композитора, разбор их творений с иллюстрацией их при помощи дисков, затем чтение драматических или иных произведений русской литературы, с привлечением к этому артистов и профессоров по русской литературе.

III. Кружок под руководством Д. Д. Викторова занимался изучением русской религиозной и философской мысли XIX века. Собирал он, главным образом, окончивших воспитанников русской гимназии. Многие из них принимают участие в нем уже 3 года, что только доказывает, что работа кружка отвечает их духовным запросам.

IV. Кружок о. Игоря Верника и Д. Д. Викторова занимался изучением поэзии XIX и XX веков. Доклады читал проф. В. В. Вейдле. Молодежь с большим интересом слушала замечательные доклады В. В. Вейдле, открывающие по новому изумительную красоту русской поэзии. Были прочитаны доклады о Державине, Жуковском, Пушкине, Лермонтове, Баратынском, Тютчеве и Фете. Интерес, вызванный докладами В. В. Вейдле, сохранился и по настоящее время. В. В. Вейдле продолжает чтение докладов и в настоящем году, посвятив их разбору русского языка романистов XIX века.

Число участников кружка увеличивается, что только доказывает, что докладчик сумел у молодежи возбудить большой интерес к своей теме.

V. Кружок Е. П. Ламсдорф занимался изучением православного учения о Божией Матери. Работу свою он уже ведет в течение трех лет.

VI. Кружок свящ. Алексея Князева изучал первое послание к Коринфянам. Кружок этот состоял из старших мальчиков и девочек Юношеского Отдела.

VII. Кружок свящ. Виктора Юрьева занимался разбором трудных мест священного писания Нового Завета. Участниками этого кружка были, главным образом, прихожане нашей Церкви.

VIII. Экуменический кружок, под руководством И. Мейндорфа, собирался в помещении французской Студенческой Федерации на 11, rue Жан де Бовэ один раз в месяц. Собрания его всегда были многочисленными, т. к. в работе кружка принимали участие православные, протестантские и католические студенты.

Миссионерская работа

Осенью прошлого года Движение организовало ряд миссионерских поездок в провинциальные приходы нашей Епархии. Первая поездка в составе 8 человек была совершена в приход о. Ильи Мелия (Коломбель).

Митрополит Владимир лично отслужил напутственный молебен, благословил лично каждого и горячо приветствовал наше желание послужить Церкви на миссионерском поприще.

Ехали мы с некоторой боязнью, тогда как возвращались, окрыленные успехом первого опыта миссионерской работы. Поистине, эти три дня, проведенные в Коломбельском приходе, были особыми днями как для миссионеров, так и для прихожан. Миссионеры были размещены среди прихожан, принявших гостей с русским гостеприимством. Приезд группы был тщательно подготовлен о. Ильей. Он лично обошел почти всех своих прихожан, приглашая каждого принять участие в религиозных беседах.

Было прочитано 5 докладов: 1) «Слово Божие и слово человеческое», 2) «Что такое церковность?», 3) «Православие, католичество и протестантизм», 4) «О русской святости в образах препод. Сергия Радонежского и св. благоверного князя Александра Невского», 5) «Путь русской эмиграции».

На собраниях присутствовало до 75 человек, слушали с исключительным вниманием, работа в группах протекала очень живо.

Окрыленные успехом первой поездки, мы сразу же решили организовать вторую поездку на восток Франции, в бельфорский приход и уже не на 3 дня, а на 10, т. к. там нужно было посетить 7 городов.

Миссионерская группа на восток Франции выехала в составе троих: т. е. о. Сильвестра, о. А. Князева и И. В. Морозова, и посетила следующие города: Бельфор, Монбельяр, Безансон, Альткирх, Страсбург, Нанси и Мюлуз.

Прочитано было десять докладов на общую тему: «О православии и об участии мирян в жизни Церкви».

Вторая поездка укрепила наше сознание в необходимости ве-

дения миссионерской работы среди приходов нашей провинции. Особенно отрадным была встреча с представителями интеллигенции новой эмиграции. Это гостеприимные, радушные русские люди, стремящиеся посильно помочь друг другу в несении жизненных трудностей. Но у них нет уже той открытости, характерной для психологии русского человека. Это тонкие, мыслящие и ищущие люди. Но от их мировоззрения веет материалистической школой, наложившей на них сильный отпечаток. Для них ценно только то, что имеет практическое значение для жизни, даже сохранение родного русского языка осмысливается только практическим его применением.

Ни о Церкви, ни о христианской вере они почти ничего не знают. Но у них нет принципиального отталкивания от Церкви. Скорее наоборот, они как-то влекутся к христианскому миру, ждут от него разрешения внутренних вопросов, которые назревали там — на родине, а теперь встали в изгнании во всей глубине перед их сознанием.

Молодежь, с которой пришлось столкнуться, произвела очень хорошее впечатление. Она скромна, духовно чутка и отзывчива. Оценивая в целом жизнь бельфорского прихода и прилегающих к нему общин можно сказать, что он является отрадным явлением, ибо в нем мы встретили много глубоко-верующих церковных людей, жертвенно служащих Церкви.

Опыт этих двух поездок показал, что работа эта имеет большое значение, как для церковной жизни, так и для тех, кто ведет эту работу. Молодежь, посещающая приходы, — сталкивается воочию с будничной церковной действительностью, заставляющей и ее почувствовать ответственность за жизнь Церкви. Она не только вдохновляет на подвиг, жертву, но и предъявляет максимальные духовные требования перед ведущими миссионерскую работу. Пробудить от духовной спячки, родить во Христе, по слову ап. Павла — задача, естественно стоящая перед миссионерами, — переживается, как почти невозможная. Но это сознание своей неспособности побуждает обратить сугубое внимание на самого себя, проверить свое отношение к Церкви и ее благодатной жизни.

Спорадические поездки, по всей вероятности, примут теперь более систематический характер, ибо вопрос об организации регулярных миссионерских поездок был поставлен на осеннем епархиальном съезде и решен положительно. Общее собрание постановило организовать при Епархиальном Совете миссионерский центр, задачей которого определено ведение миссионерской работы, как в провинциальных приходах, так и в приходах города Парижа и его окрестностей.

В настоящее время уже создана миссионерская комиссия под

председательством члена Епарх. Совета архимандрита Сильвестра, в состав которой входит священник Илья Мелия, о. А. Князев, К. Ельчанинов и И. В. Морозов, последний в качестве секретаря миссионерского центра.

Местные и международные съезды

В настоящем году нами организовано два съезда, один весной, другой осенью.

Весенний съезд привлек большое количество молодежи, в общем на съезде перебивало около 200 человек, при чем около 30 человек из провинциальных центров: Коломбея, Лиля, Страсбурга, Бельфора, Монбельяра, Лиона и Ниццы.

14 и 15 Октября состоялся осенний съезд, на котором приняло участие от 70—75 человек молодежи. Атмосфера съезда, по всей вероятности, по причине немногочисленности его, была особенно интимной и дружественной. В храме, на общих собраниях, в работе групп и в частных беседах — везде чувствовалось духовное и идейное единство, которое переживалось участниками съезда, как полнота и радость, дающаяся в соборной жизни Церкви.

В январе месяце — по инициативе Юношеского Отдела Всемирного Совета Церквей, вице-председателем которого является священник Александр Шмеман, был созван в Швейцарии междуправославный съезд православной молодежи, на котором делегация Движения была представлена в составе 8 человек, под председательством о. Василия Зеньковского.

Весной в Бертесгадене состоялся 10-ти дневный съезд германского Движения, на котором от французского Движения принимала участие группа в составе: о. Василия Зеньковского, Л. А. Зандера, о. А. Шмемана и И. В. Морозова.

В 1948 г. исполнилось 25 лет со дня основания Движения за границей. Дата эта была отмечена торжественным собранием, имевшим место 7 ноября 1948 г.

Публичные лекции

В феврале месяце было организовано 4 публичных лекции на общую тему: «Церковь и современный мир».

1) «Россия и Православие» — прот. В. Зеньковский, 2) «Суд Церкви над миром» — священник Илья Мелия, 3) «Полнота Церкви и убожество христиан» — С. С. Верховский, 4) «Дары Церкви» — священник А. Шмеман.

Работа литургии

Согласно установившейся три года тому назад традиции совершать ежемесячно ранние литургии, мы и в настоящем году ре-

гулярно совершали литургии, которые обычно начинались в 6.30 утра. Ранний час выбран для того, чтобы дать возможность учащейся молодежи быть на лекциях и на работе в 9 часов утра.

Вся эта деятельность протекает в доме Движения, который нами был куплен в 1948 году.

Дом Р. С. Х. Д.

Летом был предпринят большой ремонт в Церкви и в доме. В Церкви заменена старая стеклянная крыша — новой, заново выстроены желоба, проведена новая электрическая проводка, покрашены внутренние стены Церкви, зала, передняя, сооружена новая лестница на дворе, поправлена обветшавшая каменная лестница при входе во двор, пробита вторая дверь в зале и куплены стулья. Впрочем, весь ремонт нам стоил около 400.000 фр., не считая работ, которая была проделана безвозмездно членами Движения. В сборе денег на ремонт дома особо потрудились Б. Ю. Фисз и А. С. Крапивин, благодаря усилиям которых и стало возможным осуществление этого большого плана ремонта дома.

Лагерь Р. С. Х. Д.

Согласно установившейся традиции, наш лагерь устраивался в горах, близ Гренобля, при чем юношеский и студенческий лагери совместно.

В лагере перебивало 229 человек, особенно многолюдным был в настоящем году студенческий лагерь, насчитывающий 63 человека, из коих 15 студентов оксфордского университета. С последними особо занимался русским языком и изучением русской литературы С. С. Верховской.

Заканчивая обзор работы этого года, можно с уверенностью сказать, что у молодежи есть интерес к Церкви и к культурному наследию России, необходимо лишь расширить эту работу, в которой особенно нуждается современная молодежь, живущая в исключительно тяжелых условиях жизни.

ВЕСТИ ИЗ АМЕРИКИ

Мысль об организации Движения в Америке давно уже занимала и руководителей, и членов Р. С. Х. Д. Однако, те попытки, которые были предприняты до сих пор, результатов не дали. А попытки эти были значительные — вплоть до организации съезда в 1927 г., когда в Америке были о. Василий Зеньковский и о. Лев

Липеровский... Но мысль о создании Движения отклика среди молодежи тогда не нашла. И только теперь движенская работа нашла себе два опорных пункта в лице старого друга Движения о. Георгия Флоровского и одного из самых энергичных движенцев-организаторов — о. Александра Киселева. О. Георгий Флоровский стоит во главе вновь созданного в Нью-Йорке православного богословского факультета. Под его влиянием, среди американской православной молодежи растет православное самосознание и чувство ответственности за Церковь. О. Александр и Матушка Галя привезли с собой тот движенский энтузиазм, который помог им создать в Мюнхене дело Милосердного Самарянина, а затем и после-военное Р. С. Х. Д. в Германии, вспыхнувшее таким ярким пламенем и освещавшее, и гревшее своих членов в течении двух лет. К нему тяготеют все движенцы, приехавшие из Германии, уже образовавшие в Америке ряд кружков. Большую помощь оказывает о. Алексей Ионов — также старый движенец, окончивший Парижский Богословский Институт. А среди членов высшей иерархии Движение в Америке имеет таких друзей и покровителей, как Епископ Иоанн Бруклинский и Епископ Андрей Болгарский (бывший членом старого до-военного и до-революционного христианского студенческого кружка вместе с А. И. Никитиным и о. Львом Липеровским).

На Рождественских каникулах состоялись два встречи молодежи в Найаке и Сиклифе. В программах их мы видим следующие доклады: «Слово Божие» (Еп. Андрей), «Жизнь и христианство» (проф. Г. П. Федотов), «Что значит жить в Церкви» (о. Г. Флоровский); «О молитве» (о. Адриан Рымаренко), «О задачах Движения» (о. А. Киселев и о. А. Ионов). Кроме того после каждого доклада — свободное время для его обсуждения (это программа встречи в Найаке 25 и 26 декабря).

А на программе Сиклифа (30 декабря): «Христианство и жизнь» (Г. П. Федотова), «Молодежь и Христианство» (Н. С. Арсеньева), «Тайны молитвы» (Еп. Иоанна).

В обеих встречах участвовало более 100 человек студенческой молодежи. Следующий съезд проектируется летом. Сейчас же можно считать, что организация Движения в Америке стоит на прочном основании и можно пожелать ему дальнейшего роста, как вглубь, так и в ширь.

«ВЕСТНИК» Русского Студенческого Христианского Движения

Открыта подписка на 1950 год

«Вестник» будет выходить 6 раз в год.

Можно выписывать бесплатно пробные номера.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ :

Во Франции : Цена отдельного номера — 50 франков
подписная плата на год — 250 франков
За границей : цена отдельного номера — 0,25 долларов
подписная плата на год — 1,50 долларов

Всю переписку, касающуюся «Вестника» — подписки, перемены адреса и денежные переводы направлять по адресу :

Monsieur V. Dunan (France)

Денежные переводы направлять по текущему счету: С. С.

П

Америка : Street,
Англия : 3.
Аргентина : jeras
uenos
Германия : tr. 5.
Марокко : asba.
Франция : erres.